

давно написанным книгам, в этом, видимо, и заключается то, что мы громко именуем бессмертием.

Грин, создавший множество образов ярких, броских, порою дерзких, в жизни избегал всего громкого, он не боялся бессмертия, а стеснялся. При жизни его печатали не щедро, рукописи часто возвращали, и подчас требовалось вмешатель-

хозяйство, наестся досыта, одеться, обучиться, осилить грамоту... Мечтали о коллективном труде, о содружестве, скрепленном единой идеей и целью, о новом человеке, раскрепощенном не только социально, но и духовно: человеке-творце, создателе, строителе жизни, доселе неведомой на земле. В этом плане творческие устремления Грина, писав-

тературе, в том, что его произведения воспринимаются непривычно, будто переводные. Думается, подобные обвинения могли возникнуть лишь на почве оценок сугубо формальных. Свообразны, неповторимы не только гриновский мир героев, но и стиль его, язык, образность — по умению видеть и подмечать детали он мог бы стать выдающимся живопис-

воображением, писатель вляет слова в ткань повествования добротной и прочно, с тщательностью парусного мастера. Его сравнения, образы часто неожиданны, завораживают необычностью. И все же, несмотря на нередкую свою экзотичность, почти осязаемы, зримо точны и емки.

Его молодость во многом схожа с молодостью Максима

ра «Алых парусов» и «Бегущей по волнам» можно смело назвать человеческим подвигом, подвигом духа.

В романах, повестях и рассказах Грина, в его стихах, которые мало известны, неизменно сталкиваются добро и зло. Сталкиваются бескомпромиссно, непримиримо, смертельно.

Носителями зла в его книгах выступают алчные буржуа, диктаторы, властолюбивые политиканы, жандармы, торговцы, владельцы поместий и фабриканы — классовые симпатии писателя однозначны. И это та великая реалистическая правда, которая заложена в книгах подчас феерических. И одна из причин, почему и ныне произведения Грина живут среди нас, тревожат, духовно вооружают. Грин по-прежнему с нами в строю, мы чувствуем его локоть, он полновластный боец нашего времени.

О нем придумано немало легенд — и обидных и лестных. А он был душевным, хотя и несколько замкнутым человеком, который любил море и корабли, воздух Коктебеля и небо Старого Крыма, птиц и запахи орехового дерева. И еще любил, чтобы люди вокруг смеялись, были счастливы, — должно быть, это оправдывало в его глазах романтичность собственных сочинений.

Когда читаешь книги его, когда погружаешься в неповторимый гриновский мир, все время словно чувствуешь присутствие рядом писателя. И порой кажется: Александр Степанович Грин, поглаживая на плече прирученного котика, вот-вот обратится к вам в своей доброте и любви и повторит долетевшее с океана приветствие Фрези Грант, стремящейся вечно к далекому острову:

— Люди, да хранит вас Бегущая по волнам!

К. КУДИЕВСКИЙ.

Завтра — 100 лет со дня рождения А. С. Грина

ОКРЫЛЕННЫЙ МЕЧТОЙ

АЛЕКСАНДР Степанович Гриневский, известный в литературе под именем Александра Грина, скромно, но определенно называл себя сочинителем. Дневника он не вел и лишь иногда делал разрозненные пометки, если полагал, что внезапно возникшая мысль — полезна и интересна. Однажды он записал: «Самое важное для меня — найти такой поворот сюжета, который больше действует не на логику и здравый смысл, а на то, что у каждого человека бьется где-то там в левой части грудной клетки. Призвание писателя — не поучать, не развлекать, а тревожить».

Он в совершенстве постиг это великое мастерство — тревожить сердца. Наверное, именно оно и определяло феноменальную писательскую судьбу Грина: его новое рождение в наши дни, необычайную популярность у читателей, особенно у молодежи. Алые паруса, созданные воображением автора, и сегодня символ всего светлого, чистого, обладающего. А если новые поколения молодых тянутся к

ство Горького, чтобы рассказы и повести Грина появлялись на страницах журналов. Иные редакторы полагали, будто мечты не могут быть литературой. Требовали отражать действительность, не допуская мысли, что именно людские мечты наиболее полно и точно, пожалуй, и отражают ее. «Скажи, о чем ты мечтаешь, и я скажу, в каком обществе ты живешь», — так можно перефразировать известную поговорку. Разве и ныне в пестро скроенном мире люди не мечтают о разном?

Одни о том, чтобы сбросить это колониализма или фашистской диктатуры, другие — о куске хлеба, третьи — о космических полетах к далеким галактикам... По этим мечтам нетрудно отыскать на географической карте ту или иную страну.

В двадцатые годы в молоддой Советской республике социализм тоже был лишь мечтой. Миллионы трудящихся, совсем недавно победно завершив гражданскую войну, мечтали о том, чтобы поскорее покончить с разрухой, наладить

шего о людях отважных, справедливых, целеустремленных и благородных, ни в чем не расходились с главной мечтой народа.

Перечитайте роман «Блестящий мир». Герой — человек, научившийся летать. Сколько злобных и темных сил преследовало его! Крылатую способность Друда пытались использовать и для военных захватнических целей, и для укрепления диктатуры тирана, и для наживы. Не сломив справедливого благородства летающего человека, его попросту убили. Разве это не напоминает и нынешнюю практику империализма, который стремится обратить на корысть себе, во зло человечеству достижения современной науки? Разве не звучит актуально роман и сегодня? Такова извечная сущность искусства: все талантливое не старится, а приобретает новое звучание у каждого последующего поколения.

Не очень глубокие критики, случалось, обвиняли Грина в подражательстве западной ли-

цем. Но при всем непривычном своеобразии Грин всегда был писателем истинно русским: его книги проникнуты таким высочайшим гуманизмом, такой безмерной любовью к человеку, какие присущи и характерны только нашей отечественной литературе.

Он не любил рассказывать о себе, тем более о том, как пишет. Изредка скупко сообщал что-нибудь друзьям или так же лаконично записывал: «У меня существует правило: героев ставить в трудные и замысловатые положения и заставлять выкарабкиваться оттуда. Только тогда они начинают жить, действовать и говорить — интересно, поучительно, с открытой душой... Ведь лучше всего узнаешь человека, когда он в сматении». Мы начинаем понимать, почему гриновские сюжеты предельно остры, динамичны, калейдоскопически стремительны: сюжет служил для писателя важнейшим художественным средством.

Удивителен язык Александра Грина. Обладая богатейшим

Горького. Грин, как и Горький, познал нищету, бродяжничество, изнурительный труд, ночлежки, людскую жестокость и ханжество... Пережил тюрьму и ссылки как политический. Увидел, как и его великий современник, самое дно российской действительности — тупое, засасывающее, безнадежное. Но с Горьким его роднит не только пережитое, а и то, что оба они не сложились, не опустили, а победили в своем стремлении ко всему светлому, чистому, справедливому, к тому будущему, которое в жизни воплотил народ под руководством Ленина, большевиков.

Упрямые мечты сухощавого, часто голодного юноши, познавшего немало житейских горестей, станут впоследствии рассказами и повестями писателя Александра Грина, а страну, которую он создал воображением и населил красивыми и талантливыми героями, читатели нарекут благодарно «Гринландией». Если не бояться возвышенных слов, то путь от мерзостей дореволюционных ночлежек до блестящего ми-